

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

[НОВОСТИ](#)[О СУДЕ](#)[РЕШЕНИЯ](#)[ЗАСЕДАНИЯ](#)[ОБРАЩЕНИЯ](#)

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ К ЦИВИЛИЗАЦИИ ПРАВА. ЛЕКЦИЯ НА ПЕТЕРБУРГСКОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ФОРУМЕ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 25 ИЮНЯ 2026 ГОДА)

25.06.2026

В.Д. Зорькин

Начну с античного мира. Помните Лернейскую гидру античного мифа? Там, где её героически сражающемуся противнику удавалось отрубить одну голову, немедленно вырастали две новые. Сколько раз в нашей истории с размахом рубили головы различным «гидрам», включая проблемы нормотворчества и правоприменения? Сколько раз предпринимались реформы; принимались новые, идеальные, как казалось, законы, громогласно провозглашалось близкое наступление самого светлого будущего... Но проходило время, и головы гидры вырастали опять. Деформируя правовое развитие — и далеко не только его! — образцы застарелых проблем вновь и вновь доказывали свою жизнестойкость. Возвращались в ещё более изощрённом, модифицированном обличье.

Вот сегодня скажу о глубинных истоках деформаций нашего правового бытия и способах их преодоления. Наша правовая система часто даёт сбой не из-за чьей-то злой воли или недосмотра, но по причине, фигурально выражаясь, *родовых травм*, уязвимостей, получаемых на пути эволюционного, а затем исторического развития. Эти раны не исчезают бесследно. Даже вроде бы зарубцевавшись, они продолжают скрыто кровоточить, отражаясь на всех гранях нашей жизни, включая и право.

1. Социотравма как мета-механизм правового развития человечества

Каждое решительное (**макроскопическое**) продвижение человека как биологического вида по эволюционному пути, а человечества и отдельных социумов / цивилизаций по пути исторического развития почти всегда оплачивается причинением *антропотравмы* или *социотравмы* — появлением новых структурных уязвимостей

(«травм») или актуализацией уже имеющихся.

Эта уязвимость имеет тенденцию консервироваться на биологически-ментальном и социально-культурном уровнях, а в последующем – актуализироваться под воздействием новых системных вызовов. Термин «травма» здесь понимается не в клинико-патологическом смысле, но как аналитическая категория, которая обозначает адаптационную плату, порождающую долгосрочные психофизиологические, институциональные и экзистенциальные деформации / напряжения. Это одновременно «шрам» и «рана», фиксирующие цену перехода на новую эволюционную или историческую ступень.

Так человечество платит за каждый эволюционный или исторический рывок, за каждый свой шаг вперёд. За прямохождение расплачивается болью в позвоночнике, за символическое мышление – подверженностью манипуляциям, за речь – способностью ко лжи, за государство – институционально закрепленным насилием (куда более тяжким, чем спорадическое).

Травма может не являться патологией развития. Ведь нельзя эпохи – научную революцию, Просвещение и даже Промышленный переворот – равнять с игом, опричниной. Но травма всегда – источник системной уязвимости, требующей постоянной компенсации.

Для того чтобы тот или иной болезненный эпизод национальной истории стал действительно социотравмой, оказывающей ультраактивное влияние на многие десятилетия, а то и столетия вперед, необходимо, чтобы им были затронуты базовые матрицы воспроизводства социальной жизни – способы социализации, механизмы трансляции знания, структуры власти и ее функционирование. При этом зачастую травматичность соответствующего события воспринимается национальным сознанием не тогда, когда оно собственно происходит, а потом – с включением в повествование коллективной идентичности. Таковы, например, Холокост – для еврейской идентичности, трансатлантическая работорговля – для афроамериканской, ГУЛАГ – для постсоветской.

Все эти травмы никогда целиком не заживают. Они дремлют в **над**генетической памяти, в культурных нарративах, в нормативно-институциональных практиках, чтобы в любой момент – при первом же толчке извне – открыться вновь.

Такова суть антропо- социотравм. Чаще всего это не патология, не медицинский диагноз, но тяжкая плата за выживание, за сложность и совершенствование. Каждый крупный переход (от прямохождения до цифровой революции) оставляет после себя не только достижения, но и глубинную уязвимость, отражающуюся на всех трёх уровнях человеческого существования – био-социальном, институциональном и материальном (с учетом реалий XXI столетия – на материально-цифровом).

В немалой степени нейтрализация либо дальнейшая активация социотравм зависит от качества правовых механизмов. Собственно говоря, сам феномен социального

регулирования вызван к жизни потребностью человечества адаптироваться к грандиозным последствиям неолитической революции. Чем дальше, тем больше эта задача ложилась именно на право.

Право — форма воплощения разумных начал человеческого общежития, нормативная форма свободы человека. Это не только понятие, резюмирующее в себе сущностные характеристики человека как социального существа, обладающего свободной разумной волей и в этом смысле представляющего собой *homo juridicus*. Право — это ещё и реально действующая система *нормативной регуляции*, регламентирующая повседневную жизнь людей эпохи модерна. На каждом этапе истории человечества важнейший показатель его разумности — степень развитости соционормативной системы, включающей право, религию, личностную и общественную мораль (нравственность). От регулятивного потенциала этой системы, от качества её элементов и характера их взаимодействия напрямую зависит способность человеческого общества к самосохранению и движению вперёд.

Человечество постепенно приходит к идее права как всеобщей норме формальной свободы, выраженной в равенстве всех перед законом и судом и принципе равноправия людей как разумных существ (человек, его права и свободы являются высшей ценностью).

На данном этапе исторического развития доминирующую роль регулятора, обеспечивающего жизнеспособность социума, играет именно право в силу его общезначимого характера. Поэтому мы с полным основанием можем говорить о современном обществе как о **цивилизации права**, которая провозгласила принцип его верховенства в качестве важнейшего ориентира развития. Однако данный принцип человечеству приходится отстаивать в упорной борьбе против бесправия и произвола. История этой борьбы содержит немало драматических и поистине трагических страниц. Её накал не ослабевает и в наши дни, более того, ряд нынешних эксцессов политического безумия заставляет говорить об очередном крайне опасном её усилении.

2. Социотравмы: от Неолита до цифровой эры

2.1 Травмы человечества (универсальные)

Человеку пришлось преодолеть череду великих рубежей, прежде чем он стал тем, кем он есть сейчас. За преодоление каждого была уплачена немалая, до сих пор напоминающая о своих размерах, цена. Вглядимся в череду этих великих рубежей.

Когнитивная революция (≈50–40 тыс. лет назад) дала нам язык, способность к символическому мышлению, мифы, социальную координацию. Но вместе с тем и уязвимость перед различного рода манипулятивными техниками. Формирование важнейших для права понятий «нормы» и «вины» было обусловлено именно

потребностью в компенсации нанесенных этой революцией травм. Эти понятия, породив в сущности саму юриспруденцию, вплоть до наших дней остаются для нее одновременно и главным вызовом, побуждающим к неустанному согласованию их смыслового наполнения с конкретно-историческими реалиями.

Неолитическая революция (~12–10 тыс. лет назад) принесла невероятный экономический рост; оседлость; земледелие и ремёсла; города. Но с ними пришли также частная собственность вкупе со всеми своими производными (социальное неравенство, имущественное расслоение); утрата былой свободы передвижения; отказ от присущего присваивающей модели щадящего природу хозяйствования. Потребность в компенсации травм, нанесенных этой революцией, обусловила, в том числе, переход от обычного права к писаному, а также появление государственного нормотворчества и правоприменения. Все это пополнило круг до сих пор стоящих перед юриспруденцией вызовов.

Осевая эпоха (~800–200 гг. до н.э.) принесла пламенный религиозный мессианизм, представления об универсальной этике и богатейший опыт самой разнообразной интеллектуальной рефлексии. Их спутниками стали религиозный, а впоследствии идеологический, фанатизм, решимость проливать реки крови во имя умозрительных догматов. Появление философско-правовой рефлексии, а также понятия универсальной нормы (естественного закона), став откликом на потребность в компенсации травм, нанесенных этой революцией, явились основными вызовами, которые осевая эпоха поставила перед юриспруденцией.

Научная революция (кон. XVI– сер. XVIII вв.), возведя рациональное начало на ранее недостижимый для разума пьедестал, максимально раскрыла потенциал когнитивной революции. Вместе с тем создались предпосылки для отрыва рациональности от нравственности; для культа самодовлеющей, идущей вразрез с моралью, «эффективности». Секуляризация права, проблема приемлемых в судебном процессе доказательств и их интерпретация — вот основные вызовы, поставленные «картезианским переворотом» и Просвещением перед юриспруденцией.

Просвещение провозгласило великие права и свободы, ныне составляющие ядро нашего правового статуса. Но вместе с тем породило радикализм, готовый к насильственному утверждению политических утопий.

Промышленная революция (XVIII–XIX вв.), ознаменовав неслыханный прогресс технологий, развила экономическую производительность, подняв и наше благосостояние. Она же создала условия для фатального отчуждения человека от результатов трудовой деятельности и превращения его в придаток машины. Переход к массовому фабричному труду повлек стремительное разрушение традиционных общин. Существенно возрастает, сравнительно с условиями традиционного хозяйствования, эксплуатация рабочих; формируется отчуждение от труда, стимулирующее политический радикализм; грозно обозначились первые

экологические проблемы.

Правовое регулирование трудовой и социальной сфер, попытка поддержать нормативными средствами баланс интересов капитала (работодателя) и работников — вот основные правовые механизмы, компенсирующие горькие плоды промышленной революции — вызовы, ставшие вместе с тем вызовом для всей последующей юриспруденции.

Эпоха мировых войн и тоталитаризма, обладала, помимо прочего, внятным модернизационным эффектом, были созданы предпосылки для дальнейшей глобализации. Вместе с тем впервые в Модерне человечество столкнулось с институционализацией неслыханного по своей жестокости и масштабности государственного террора; с всеохватывающей идеологической мобилизацией и всепроникающей дегуманизацией. Послевоенные и постсоциалистические конституции явились компенсацией и одновременно фиксацией этой травмы.

Глобализация, сделав свободным в мировом масштабе движение товаров, капиталов, услуг, позволила человечеству как никогда ощутить себя единым целым. Но вместе с тем создала предпосылки для уничтожения многообразия национальных культур и для фактической ликвидации ограждающей эти культуры суверенной государственности.

Современность принесла цифровую революцию, вслед за которой грядет **антропо-технологический симбиоз** (5IR — пятая промышленная революция). В совокупности они даруют поистине безмерные возможности буквально во всех областях человеческой деятельности. И одновременно — риск «когнитивного захвата», т.е. контроля над ментальной сферой; угрозу фактически полной утраты того, что мы именуем индивидуальной автономией; гигантскую (превышающую бывшее расовое и классовое неравенство) дифференциацию на биотехнологической почве; наконец, опасность окончательной потери контроля над искусственным сверхразумом.

Всё это наделяло человека невиданными силами, продолжает и ныне вручать человечеству немислимые ранее материальные и духовные дары. Но каждое новое продвижение по столбовой дорожке Истории множило онтологические «вывихи» человеческого бытия, наносило все новые и новые, наслаивающиеся друг на друга шрамы.

2.1. Социотравмы Отечества (национальные)

История каждого социума / цивилизации дополняет слои, «палимпсест» (палимпсест букв. — пергамент, на котором каждая очередная рукопись на соскобленной прежней) названных общих для человечества социотравм своими «записями», делающими его содержание еще более драматичным. Попробуем взглянуть в этом контексте на наше прошлое.

Ордынское иго — это не только огромный ущерб культуре и хозяйству, но и утрата

национальной независимости (данничество), вассальная зависимость (ханский ярлык), институционализация властного произвола (баскачество). Долгосрочными последствиями стало утверждение жестко-вертикальной модели публичного управления и сопутствующего ей восприятия государственной власти в качестве чего-то чужеродного и внешнего, укоренение ощущения коллективной беспомощности перед ее лицом. Из ордынского мучительного опыта выросло уподобление: государства — всемогущему хозяину; населения — бесправным подвластным; закона — ничем и никем не сдерживаемой «государевой воле».

Опричнина времен Ивана Грозного — разрыв единства правового пространства, по сути, создание в пределах одного государства двойной правовой системы: «земщины» (большинства) и стоящей над законом «опричнины» (государевых людей). Это узаконение террора (и сопряженного с ним доноительства) как метода управления. Долгосрочные последствия — ведомства, действующие вне правового поля; практика внесудебных репрессий; «телефонное право» и неистребимое доноительство.

Петровская модернизация — это принудительная вестернизация, насильственное насаждение западных социокультурных форм и бытового уклада (подушная подать, рекрутская повинность, бритье бород и иноземное платье). Долгосрочные последствия — «догоняющая модернизация» как перманентный режим национального развития в сочетании с чрезвычайным характером этого режима (грубый разрыв культурной ткани; претворение модернизационных проектов с чрезмерной жестокостью и пренебрежением к вековым традициям; мобилизационная экономика); социокультурная поляризация общества, его раскол на европеизированную элиту и не приемлющего нововведения народ; бюрократическая вертикаль как единственный канал социальной мобильности. Модернизационная травма имеет более широкий контекст: она тесно связана с последствиями научной революции XVII века («картезианский переворот») и усиливается последствиями промышленного переворота XIX века. Научная революция утвердила механистическую картину мира, включая разрыв между субъектом и объектом познания, «знание — сила», природа как объект эксплуатации, техно-оптимизм, отчуждение от традиционного / духовного знания. Являясь производной от всего предшествующего хода развития западноевропейской цивилизации, эта картина мира вступала в особенно драматический диссонанс с нашей национальной культурной традицией.

Крепостное право (1649–1861), когда тело, труд и судьба крестьянина, т.е. представителя социальной группы, составляющей большую часть русского социума, принадлежали другому, нанесло, пожалуй, одну из самых глубоких и болезненных ран. Создав глубокий разрыв между элитой и народом, крепостное право и насильственная модернизация породили восприятие государства как дела

чужеродной элиты, эксплуатирующей народные силы. Врожденность полу-рабской личной зависимости, подневольный труд, а также община как коллективный субъект, подавляющий индивидуальное начало, на протяжении двух с лишним столетий формировали травму зависимости и бесправия. Но это и двойственность отношения к свободе — после отмены в 1861 году крепостного права свобода пришла резко, без подготовки. Многие крестьяне оказались в еще более худшем с экономической точки зрения положении. В этой травме парадоксально сочетались высокая терпимость к властному произволу в обмен на патерналистское попечение; «выученная беспомощность» (демотивирующая потеря причинно-следственной связи между трудовыми усилиями и материальным преуспеванием), порождающая, помимо прочего, подозрительное отношение к частной собственности; стойкий архетип «барин — начальник во всем» (в дальнейшем, видоизменившись на «начальник — барин», он усугубит отзвуки ордынства в политической и правовой культуре) со склонностью к компенсаторному бунту.

Революция 1917 года и Гражданская война (1917–1922) — в своих правовых аспектах повлекли полный разрыв с прежним правопорядком, под эгидой «диктатуры пролетариата» закрепление массового террора и внесудебных расправ, «классовый подход» в правосудии, отрицание прав человека как «буржуазного пережитка», провозглашение «революционного правосознания» ведущим источником нового права.

Коллективизация (1929–1933) и Большой террор (1937–1938) — это «раскулачивание» (безвозмездная социализация земли; изъятие зерна и иной сельскохозяйственной продукции, повлекшее массовый голод; выселение сотен тысяч крестьян из жилищ и высылка в непригодные для проживания местности, обрекавшие на верную смерть); массовые, в том числе бессудные репрессии, создание гигантской системы принудительного труда (колхозы, ГУЛАГ); паспортная система и прописка как механизм ограничения свободы передвижения. Долгосрочные последствия — массовый страх и актуализация доносительства.

Наконец, распад СССР и «лихие 90-е» (1991–1999) — это резкие и малопродуманные перемены, в одночасье поменявшие экономическую модель, существовавшую на протяжении большей части XX столетия, и воспринятые населением как разграбление страны (шоковая терапия и обвальное падение производства, повальная либерализация цен и обесценивание денежных сбережений, ваучерная приватизация и залоговые аукционы). Долгосрочные последствия — мировоззренческая дезориентация, «дикий капитализм» (слабое государство, появление олигархата, взрыв социального неравенства, разгул коррупции и организованной преступности), ностальгия по СССР как травматическая защита, запрос на «сильную руку», периодические спонтанно фрагментарные «контрреформы».

Все названные социотравмы, вместе взятые, сформировали устойчивые

конституционные деформации: избыточный патернализм в отношениях «Власть — Общество»; инструментальное, а не ценностное отношение к праву; слабость горизонтальных институтов (парламент, местное самоуправление, гражданское общество), системные нарушения тонкого баланса между единством правового пространства и необходимым разнообразием.

2.3. Цивилизация права на развилке

Мы наблюдаем чрезмерную хрупкость нынешних правовых механизмов, на которых держится (пока что держится) современный мир. Риски обрушения этих механизмов ставят перед юристами задачу обеспечения правовой безопасности как одной из базовых экзистенциальных потребностей индивида, этноса, народа, государства, человечества в целом. В своё время Ш. Монтескьё очень верно заметил, что свобода есть безопасность людей или, по крайней мере, их уверенность в своей безопасности. В обществе модерна человеческая безопасность возможна лишь в условиях устойчивой правовой свободы. Памятуя об этом, мы обязаны также помнить о конкретно-историческом содержании права как меры свободы и о необходимости поддерживать его оптимальное состояние — не идеальное, а именно оптимальное, адекватное конкретно-исторической реальности и уровню развития общества. Отсюда вытекает обязанность государства принимать меры, исторически необходимые и соразмерные как для защиты прав человека, так и для защиты самого государства, без которого эти права превращаются в химеру, а также вносить свой вклад в укрепление безопасности человечества в целом.

Накопленный исторический опыт показывает, что главный вектор обеспечения безопасности связан с последовательной реализацией такого универсального принципа международного миропорядка и национальных правовых систем, как верховенство права. Внутри отдельных государств его реализация предполагает наличие легитимных, независимых и эффективных властных институтов, реальное участие граждан в государственной жизни, подлинную подотчётность органов власти народу, справедливое правосудие, социальную справедливость и равный доступ к материальным и духовным благам. Только всё это в совокупности может гарантировать права человека и тем самым создать необходимые нормативные условия, способствующие освобождению человечества от властного произвола, хронической бедности и дискриминации. То же самое, по сути, наблюдается и на международном уровне. Эксперты, отмечая широкий комплекс угроз социального и техногенного характера, называют два компонента безопасности человека — свободу от страха и свободу от нужды. При этом страх порождается не только терроризмом, войнами, катастрофами, преступностью, иными формами прямого насилия, потерей контроля за развитием технологий и т.д., но также социальной незащищённостью, отсутствием доверия и солидарности между людьми.

Современный мир оказался в такой точке политико-правовой бифуркации, в которой самым кардинальным образом определяется будущее правовой цивилизации в целом. Если в свете открывающихся новых опасностей оглянуться на прошедшее XX столетие, то надо прежде всего вспомнить о том, что во многом под влиянием величайшей трагедии двух мировых войн, разразившихся в прошлом веке, человечество пришло к необходимости реализовать идею права как всеобщей нормы формальной свободы, выраженной в равенстве всех перед законом и судом, в «признании достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав», как основы «свободы, справедливости и всеобщего мира». Процитированное здесь положение преамбулы Всеобщей декларации прав человека получило развитие и закрепление в статье 1, согласно которой «все люди рождаются свободными и равными в своём достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства». Очень важно, что здесь сказано не только о разуме людей, их достоинстве и правах, но также о присущем им духе братства и о совести каждого отдельного человека.

XX век памятен ещё и тем, что породил разного рода диктатуры, причём во многом именно потому, что довёл до предела принцип подчинения всего на свете некой руководящей идее. Не будем ставить знак равенства между этими идеями – коммунистическая совсем не то же самое, что фашистская. Однако дело в том, что политическая практика подчиняла право «высшим» целям. Но пройдя через тяжелейшие испытания, люди поняли, что верховенство права нельзя подчинять никакому принципу, что оно и есть высший принцип. Поняли даже не потому, что другие скомпрометировали себя той или иной политической практикой, а потому, что любой иной (неправовой, внеправовой или антиправовой) принцип не может иметь общезначимого характера.

Социальная практика убедительно показывает, что степень реализации принципа верховенства закона в рамках различных национальных правовых систем служит не только важнейшим фактором конкурентоспособности национальных юрисдикций, но и одним из определяющих условий успешной конкуренции той или иной страны в рамках глобального социально-экономического пространства. Осуществление верховенства права – необходимая предпосылка успешного развития каждого национально-государственного сообщества, обеспечивающая свободную (а значит, наиболее полную) реализацию его человеческого потенциала. Однако наблюдая за эскалацией ряда серьёзных региональных конфликтов и нарастающей опасностью их выхода на глобальный уровень, приходится с тревогой констатировать, что этот выстраданный человечеством принцип, заложенный в основу послевоенной системы миропорядка, может утратить своё основополагающее значение.

XXI век ставит нас перед лицом сложнейших противоречий и вызовов. Он может стать веком триумфа свободы, а может превратиться в нечто прямо

противоположное, если отбросит на обочину принцип верховенства права. Сейчас мир вступил в полосу глобальной неопределённости такого масштаба, что на повестку дня поставлен вопрос о выживании человечества. Рушатся прежние формы, принципы и нормы организации социальной жизни, а то, что приходит им на смену в самых, казалось бы, успешных странах и регионах мира, наглядно демонстрирует неадекватность задачам сохранения и развития человечества. Мощную лепту в усиление глобальной неопределённости вносит технологический прогресс, достижения которого проявляют сейчас свой разрушительный потенциал в региональных конфликтах, уже сделавших актуальным вопрос о возможности применения ядерного оружия. А на подходе не столь очевидно смертоносные, но в перспективе, возможно, не менее опасные по своим последствиям плоды новейших технологий, несущие в себе зачатки пост-человеческого будущего с его транс-гуманистическим и пост-гуманистическим (то есть **негуманистическим**) мировоззрением, в котором так называемое «будущее для избранных» (будущее, в которое «возьмут не всех») может оказаться не самым худшим вариантом.

Не стоит успокаивать себя тем, что мир переживает очередной в истории человечества этап больших перемен и что вопрос о том, как менять правила при переменах, чтобы не допустить «паузы бесправия», уже не раз стоял перед человечеством. Особенность нашего времени в том, что право, на которое мы так привыкли рассчитывать, теряет свой регулятивный потенциал, правовые конструкции утрачивают былую прочность и надёжность, а такие социальные регуляторы, как религия и мораль, в прежние века поддерживавшие гуманистические основы развития человечества, уже не имеют прежней силы и власти над людьми. Следовательно, нарастает опасность не только беззакония и бесправия, но и полного хаоса. В этих условиях (и с учётом этих условий) надо вновь задуматься над тем, что представляет собой принцип верховенства права, какой смысл следует в него вкладывать, что нового привносят в него современные реалии.

Когда говорят о верховенстве права, то верховенство над чем имеется в виду? В самом общем виде можно сказать: над произволом. Иногда добавляют: над произволом частных лиц и носителей публичной власти. Можно сослаться на известный тезис Ш. Монтескьё из работы «Размышления о причинах величия и падения римлян», что нет более жестокой тирании, чем та, которая прикрывается законами и видимостью правосудия. Важно отметить, что речь идёт прежде всего о верховенстве прав человека, которое как система нормативно-институциональной защиты от произвола (и прежде всего от властного произвола) включает в себя защиту достоинства человека. В любом случае центральное звено современной доктрины верховенства права и её отличие от доктрины верховенства закона – понятие человеческого достоинства, которое реализуется через систему неотчуждаемых прав человека.

Если же смотреть на право как на элемент соционормативной системы общества, то его верховенство означает также приоритет над иными подсистемами соционормативной регуляции, прежде всего над нормами религии и общественной морали (нравственности), выражающими соответствующие духовные ценности. Однако (и это представляется особенно важным) из всего сказанного вовсе не следует независимость права от духовно-нравственного и в целом социокультурного контекста, в котором оно осуществляет своё регулятивное верховенство. Ведь право, как верно заметил В.С. Нерсисянц, – «это не культурный плод на диком дереве, а плод окультуренного дерева». Когда речь идёт о том, что в поиске ответов на системные, взаимосвязанные, усиливающие друг друга вызовы необходим правовой подход, это не подразумевает его узкопрофессионального, формально-юридического характера. Потому что право, теряющее опору на духовные, морально-нравственные основы, не способно справиться с современными системными вызовами.

3. Тайна беззакония как травматический цикл: преодоление и его факторы

3.1. Как удержаться от беззакония?

Для того чтобы соотнести право с проблематикой социотравм и тем самым постичь его главное — онтологического масштаба! — предназначение, нам нужно заглянуть в самые глубины нашего социального бытия. Здесь в тёмных водах коллективного бессознательного пребывает «тайна беззакония». Это не просто нормативная недостаточность (пробельность), не сумма правонарушений и не показатели криминальной статистики. Это представляющаяся почти метафизической уязвимость, заложенная в самой природе социума, — постоянная готовность соскользнуть в хаос, когда ослабевают скрепы.

По сути предостережение святого апостола Павла о том, что «тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь» (2 Фес. 2:7), описывает фундаментальное напряжение, существующее между совокупностью латентных деструктивных процессов («тайна беззакония») — порождаемых и постоянно подпитываемых социотравмами — и «удержанием» общества от хаоса как главной задачи любого правопорядка. «Беззаконие» представляет собой не случайный сбой, но присущую накопленным в ходе исторического развития уязвимостям тенденцию к постоянной реактивации.

Тема **катехона** (что в переводе с греческого означает «удерживающий») получила развитие в православной богословской мысли, где катехон нередко отождествляется с Россией, духовная миссия видится в том, чтобы быть всемирным Удерживающим, защищающим мир от пришествия Антихриста. Недавно эта тема актуализировалась и вошла в политический дискурс после серии нашумевших публичных выступлений Питера Тила (это основатель компании Palantir, занимающейся сбором и анализом

данных для военных и спецслужб), который неожиданно связал наступающий приход Антихриста с ограничением научно-технического прогресса, представ таким образом как представитель крайнего в своей бездуховности технократического мышления.

Я бы хотел продолжить обсуждение этой темы в координатах секулярного сознания и сказать о том, что в наши дни единственным претендентом на роль Удерживающего от наступления мирового зла (в том числе — зла, связанного с технологической дегуманизацией человека, к чему по сути и призывает Питер Тиль) может быть лишь правовой закон, то есть закон правового государства, отвечающий ценностным смыслам права и являющийся элементом цивилизации права. Только развиваясь в направлении цивилизации права правопорядок способен действительно удержать дурную бесконечность непрестанного воспроизводства социотравм.

При этом Удерживающий не устраняет саму травму без остатка. Но, подобно плотине, не дающей прорваться потоку, он сдерживает, т.е. не допускает реактивацию травмы. Когда Удерживающий ослабевает — т.е. закон перестаёт быть правовым, отрывается от морально-нравственных регуляторов и становится орудием властного произвола, — тогда обнажается тайна беззакония. И на волне спонтанной, ничем не ограниченной активации всего травматического спектра в социум врывается хаос.

Терапевтическое воздействие права начинается с осознания и приятия как непреложной истины того, что вне этого Удерживающего нет и не может быть спасения. Никаким иным видам социального регулирования, включая моральную и религиозную нормативность, эта задача не под силу. Но удержание современного общества от «травматического шока», влекущего распад и «войну всех против всех», не может быть основано на сугубо внешнем насилии; оно должно быть внутренним убеждением, разделённой всеми ценностью, тем нерасторжимым коллективным договором, под которым ежедневно и даже ежечасно «подписывается» большинство общества.

3.2. Собственность и государство как социотравма. Институционализация неравенства и насилия, факторы компенсации / актуализации

Появление частной собственности, произошедшее примерно десять тысяч лет назад, в эпоху неолитической революции, когда кочевые племена охотников-собирателей начали оседать на земле, обрабатывать её, возводить постоянные жилища и накапливать излишки, — вот первая социотравма.

Ознаменовав тектонический сдвиг в истории человечества, появление частной собственности изменило всё: экономику, политику, семью, религию и, конечно, право. Это не просто юридическая конструкция, но грандиозное по своей значимости явление.

Достоинства частной собственности очевидны: экономическая эффективность (собственность создает основу для долгосрочного планирования и предпосылки

инвестиций); стимул к труду; способствуя рассредоточению власти и создавая множественные властные центры (ключевой механизм сдержек и противовесов), собственность является основой и гарантией индивидуальной автономии и свободы; позитивное влияние на поддержание правовой определённости.

Собственность породила институты и ценности, без которых невозможно представить современную цивилизацию, и поныне обуславливает структурирование всей социальной, экономической, политической и правовой реальности. Однако этот переход был и продолжает оставаться крайне травматичным. Он оплачивается глубокими социальными деструкциями (конфликтогенное расслоение, эксплуатация, войны за ресурсы).

Плата за все вышеназванные достоинства частной собственности — это отчуждение работника от средств производства, утрата общинной солидарности, появление структурной бедности и нищеты.

Отныне любой крупный и воспринимаемый общественным сознанием как несправедливый передел собственности актуализирует эту травму. Например, объявление в 90-е годы общенародной собственности «ничейной» с последующей передачей тем, кто оказался ближе к рычагам власти, а также ваучерная приватизация и залоговые аукционы — тогда всё это породило, помимо колоссального неравенства (и воспринимаемого обществом как нелегитимное), правовой нигилизм, олигархат, коррупцию.

Если значительная часть общества воспринимает право собственности как юридическое оправдание кражи, то возникает устойчивый когнитивный диссонанс: формальное право защищено законом, но морально не признаётся. Порождается злорадное равнодушие к любым посягательствам на такую собственность — рейдерство, коррупция и даже грабежи начинают казаться восстановлением справедливости. Симптом глубочайшей моральной дезориентации. Разрыв между массовыми представлениями о справедливом и должном и правовой нормативностью парализует действенность права и грозит обрушить не только экономику, но и социальную систему вместе с государственностью.

Между тем на пути к цивилизации права человечество нашло способы компенсировать эти травмы, не отказываясь от достоинств частной собственности. Социальное государство перераспределяет излишки, антимонопольное законодательство ограничивает злоупотребления, трудовое право защищает работников, экологическое право — природу. Конституционные принципы пропорциональности и социального государства обуздывают абсолютную власть собственника, не разрушая саму собственность.

О травме институционализации насилия. Возникновение государства (семь – пять тысяч лет назад) решило проблему координации крупных коллективов, организации ирригации и обороны. Но и плата оказалась существенной: увековечивание

социального неравенства и монополия на легитимное насилие.

В догосударственных обществах власть была диффузной, встроенной в родственные связи, ограниченной первобытной формой уравнительного распределения (т.н. «культура дара»). Им на смену появляются иерархически выстроенная бюрократия, армия, налоги — структуры «профессионального насилия», узаконенного и систематического.

Это насилие структурирует психику подвластных (подданных, граждан), порождает специфические травматические формы — рабство, крепостничество, массовые репрессии. Не случайно, словно предчувствуя эту травму, традиционные общества отчаянно сопротивлялись возникновению государств. Но логика социогенеза оказалась сильнее: как только государство возникло в одном месте, оно оказывалось «необходимым злом» для всех окружающих обществ.

Правовая государственность, верховенство права, разделение властей, парламентаризм и гарантии судебной защиты, наконец, конституционное правосудие — вот «болеутоляющие» средства, которыми располагает цивилизация права от страданий, причиняемых социотравмой институционализированного насилия.

3.3. Право — искусство доброго и справедливого

Цивилизация права основывается на идеалах добра и справедливости; говорит на языке закона, который способен сформулировать признаки наказуемого зла и условия ответственности. Именно эта способность создаёт предпосылки для предотвращения зла и воздаяния за него; для правового, т.е. мирного и процедурно упорядоченного разрешения споров.

Право как терапевт социотравм не может быть лишь сухой инструкцией, бездушным перечнем запретов. Регламентирующая повседневную жизнь людей система нормативной регуляции всегда должна являть собой единственно возможную форму свободы человека в его социальном взаимодействии и никогда не переставать быть в своей глубинной основе искусством доброго и справедливого (*ars boni et aequi*). Именно в этом — ключ к миссии права как удерживающего, реализуемой через его терапевтическую функцию.

Праву присуща замечательная бинарность. Оно одновременно и абстрактно (принципы, ценности, достоинство), и конкретно (процедуры, санкции, механизмы). Оно может говорить и на языке вечности — о справедливости и равенстве; и на языке повседневности — о квартирных спорах и налоговых вычетах. Эта способность связывать идеальное с реальным, должное с сущим делает его уникальным инструментом проработки социотравм.

Но все это работает лишь пока право хранит ценностную целостность, одновременно отражая разумную природу человека и «нравственный закон внутри нас». Когда рассудок эмансипируется от эмоционально-нравственной составляющей разума, он

превращается в разрушительный и слепой рационализм. Оторванное от нравственного Этоса, юридическое Рацио не только не способно к эффективной терапии, но лишь множит социотравмы. И, в конечном счете, служит проводником тайне беззакония.

Пожалуй, в наиболее концентрированном виде постепенное вовлечение права в выполнение выживания и развития человечества происходит со становлением конституционализма, с превращением Конституции в ценностно-нормативную основу всей правовой системы. Будучи для правовой демократии магистральным ориентиром, цивилизация права призвана, предельно раскрывая весь потенциал конституционализма, обеспечивать целостную — институциональную, нормативно-регулятивную, правоприменительную, правокультурную — компенсацию / терапию былых социотравм и отражать риски грядущих социотравм. В том числе, не допускать активации старых социотравм в новом обличье.

Наша Конституция, принятая 12 декабря 1993 года, восприняла и **идею правового государства**, и **идею верховенства прав человека**. Согласно Конституции человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст.2); закреплён принцип равенства — равенство всех перед законом и судом, равенство прав и свобод человека и гражданина (ст.19), — составляющий саму суть права как формальной нормы свободы. Конституция имеет высшую юридическую силу в правовой системе страны.

Российское государство основано на верховенстве (господстве) права как универсальной норме формальной свободы, на признании неотчуждаемых прав и свобод человека и верховенстве правового закона. Понятие правовой закон, по смыслу Конституции, означает его соответствие Конституции с заложенными в ней принципами и нормами.

Таким образом, в Конституции принцип верховенства права соединяет в себе принцип приоритета прав человека и принцип верховенства правового закона. Нормативно отображено «искусство доброго и справедливого».

3.4. Конституционная идентичность как иммунная система

В условиях правовой демократии конституция, утверждая скрепляющий нацию воедино общественный договор, является прежде всего «протоколом о намерениях» утверждать начала цивилизации права и одновременно «техническим заданием», которое провозглашает эти начала в качестве ключевых ориентиров правового развития.

Цивилизация права выступает универсальной ценностью, целью развития всего человечества, возможно высшей. Конституционная идентичность отражает национальные особенности следования к этой цели, обусловленное национально-культурным своеобразием данного социума. Будучи духовной сутью суверена как политической нации конституционная идентичность, отображаясь прежде всего в

основах конституционного строя, но вбирая в себя также исторические традиции и ценностные скрепы, предстает квинтэссенцией уникального опыта преодоления травм, опытом национального выживания и развития.

Эта идентичность своего рода иммунная система государства. Неразрывная связь государства, права, всех участников правотворческой и правоприменительной деятельности, всех субъектов права с Конституцией и ее ядром — конституционной идентичностью — подобно иммунной системе отторгает попытки чужеродных вторжений, дезактуализирует старые травмы и преграждает путь новым. Ну а если таковых избежать совсем не удастся — травмы, не будем забывать, все же неразлучные спутники развития, — всемерно смягчает их травматические последствия для социума.

В отличие от компьютерных антивирусов, эта иммунная система не «лечит» инфекцию в том смысле, что не уничтожает её мгновенно и окончательно. Она распознаёт чужеродное, мобилизует защиту, запоминает угрозу. Конституционная идентичность не устраняет исторические травмы — она создаёт «память иммунитета», позволяющую, в частности, отличить конструктивные реформы от разрушительных. Она хранит память о травматическом опыте, но и не позволяет этой памяти полностью парализовать развитие, заслонить будущее. И, таким образом, помогает обществу прерывать циклы воспроизводства социотравм.

3.5. Право метамодерна: терапевтический эффект

Как уже сказал на одном из Форумов, современность переживает глубокий кризис, вызванный двумя крайностями. Модерн пытался заковать мир в железные клетки рациональности — и мы получили Освенцим, ГУЛАГ, мировые войны. Постмодерн деконструировал все истины, уравнивал жертву и палача — и получил «фашиствующее варварство» под маской свободы; релятивизм, в котором любое преступление может быть оправдано как «иная интерпретация».

Обе эти крайности порождены отрывом права от его морально-нравственных оснований. Модерн оторвал право от этики — и право стало инструментом. Постмодерн оторвал право от истины — и право стало ширмой. Выход, как представляется, в матрице метамодерна как более своих «предшественников» содействующей терапии социотравм. Не в отрицании ценностей и не в их догматизации, а в синтезе. Предполагаемые метамодерном сочетание духовно-интуитивного и рационального опыт, солидаризм и ответственность за общее спасение — не возврат к архаике и не утопический порыв. Это преодоление «дурной бесконечности» циклического воспроизводства структурных уязвимостей через культурный и институциональный диалог. Наиболее отвечающая терапия социотравм в переживаемых обстоятельствах началам цивилизации права.

В этом синтезе право возвращается к своему изначальному смыслу — не только как

воля суверена и продукт мажоритарного консенсуса, но и мера свободы, искусство отличать добро от зла в конкретных обстоятельствах. В метамодерне судья не просто балансирует интересы — он отыскивает синтез, который восстанавливает социальную ткань, разорванную травмой. Последовательно опираясь на высшие ценности, разделяемые обществом — человеческое достоинство и общественную солидарность, память о свершениях предков и ответственность перед будущими поколениями.

3.6. Что будет без верховенства права: анализ альтернатив

Если предстоящие перед Фемидой правовые коллизии проанализировать — не только в догматическом, философско-правовом и социолого-правовом плане, но и сквозь призму палео-антропологического и онто-психологического знания, — мы неожиданно столкнемся с тем, что за покровом фабулы и нормативно-правоприменительных характеристик у каждой можно найти глубинное основание. И восходит оно, в конечном счете, к цене, которую человечество платит за свое продвижение по пути прогресса. Этим обстоятельством в определенной степени объяснимы затруднения правового государства в деле недопущения и устранения данных дефектов.

В глубинах истории болезненность родовых травм сглаживалась длительным временем, их рубцеванию помогало стабилизирующее действие присущих традиционному обществу самых различных символических и институциональных механизмов. Но и в этом случае отнюдь не все такого рода последствия стали достоянием далекого прошлого, некоторые из них достаточно остро проявляют себя до сих пор. В том числе, в правовом поле.

Чем ближе к нашему времени, тем стремительнее перемены, тем быстрее их количество переходит в качество, знаменуя очередную «революцию» со всеми присущими ей измерениями, зачастую весьма небезопасными для благополучия социума, а то и самого человеческого естества. И тут бывшие механизмы нормализации уже не срабатывают. Отчасти ввиду отсутствия таковых, разрушенных модерном и тому, что пришло ему на смену. Отчасти из-за все более ускоряющегося темпа обновления, вплоть до ураганного — по меркам большого исторического времени. Отсутствие же социально-культурных демпферов, а также возрастающая роль правового регулирования ведут к тому, что и уже нанесенные травмы, и чреватые таковыми тектонические вызовы все интенсивней проявляют себя на правовом поле. И в глубинной подоплеке конкретных нормативно-правовых ситуаций предстают перед Фемидой.

Теперь давайте на минуту представим себе альтернативную реальность мира, включая Россию, без верховенства права. На этот случай прогнозная аналитика предлагает несколько конфигураций правовой системы.

Одна из возможных — «мажоритарный формализм». Это инструментализация права, отношение к нему как прежде всего публично-властному ресурсу. Такой конфигурации сопутствует эрозия прав и свобод. Апатия и цинизм, обусловленные отношением граждан к праву как к сугубому орудию власти, пронизывают всю правовую культуру. Эти условия, представляя собой великолепную подпитку едва ли не для всех старых травматических форм, провоцируют новые травмы.

Другая конфигурация может быть условно названа «торжество технократии». Она характеризуется видимой деполитизацией публичного управления, подменой права стандартами и техническими регламентами. Присущий этому сценарию ультра-прагматизм, исключая ценностное восприятие права, также не способен исцелить социотравмы. Под покровом технократической «оптимизации» продолжается скрытое воспроизводство регулятивных и правоприменительных уязвимостей. Излюбленный технократами дискурс «эффективность / неэффективность», по сути, камуфлирует бездействие в отношении имеющих социотравматическую природу конституционных деформаций.

Еще один сценарий описывает фрагментацию правового пространства, конкуренцию центральной, региональных и даже корпоративных юрисдикций. Правовая нестабильность и конфликт юрисдикций, разрушая единство защиты конституционных прав и свобод на всей территории страны, лишь множит травматический опыт.

В четвёртом, во многом футурологическом, сценарии право окончательно вытесняется непрозрачными неформальными практиками и «смарт-контрактами», публичными слушаниями и медиациями, а «решение вопросов» сетевыми элитами становится единственным работающим механизмом. Отсутствие сколько-нибудь отчетливых институциональных и нормативных гарантий и слабая защищенность от популизма обрекают и эту конфигурацию быть неспособной к действенной терапии социотравм собственно правовыми средствами.

Как видим, ни одна из альтернативных конфигураций — то есть лишенных «концентрированных» конституционных принципов приоритета прав человека и верховенства правового закона — не способна обеспечить системную коррекцию вызываемых социотравмами структурных конституционных уязвимостей.

4. Наша эпоха: контуры травмы

Цифровая революция — через создание дистанционных рабочих мест, автоматизацию процессов, использование облачных технологий, маркетплейсы, цифровые валюты, платформы для удалённой работы и гиг-экономики — невероятно повысила эффективность труда. Но вместе с тем она же несет в себе риски тотального контроля, мало совместимого с понятием человеческого достоинства; полной утраты

какой бы то ни было приватности; неразрешимые сколько-нибудь эффективно, на данный момент, проблемы кибербезопасности и т.д.

Идущий вслед цифровой революции антропо-технический симбиоз (т.н. пятая промышленная революция – 5IR) дает возможность переложить на роботов массу рутинных, трудоемких и опасных задач, предельно оптимизировать производственные процессы, сократить энергопотребление, создавать продукцию с учётом индивидуальных потребностей потребителей и т.д. Но вместе с тем этот симбиоз грозит непоправимым изменением самой биологической и когнитивной природы человека. Кроме того, с недавним появлением предельно универсальной, так называемой «всеобъемлющей» модели ИИ, способной автономно выполнять широкий спектр задач, человек может быстро утратить контроль за тем, чтобы действия ИИ соответствовали человеческим целям, ценностям и правовым нормам.

В этих условиях задача цивилизации права — не тормозить прогресс и не консервировать прошлое, но попытаться максимально минимизировать риски дегуманизации и сохранить природу человека в его, как говорят философы, «неурезанной человечности».

В контексте Конституции «защита человеческого ядра» предполагает опору на принцип межпоколенческой ответственности, производный от общеправового принципа справедливости, а также установление презумпции безусловной опасности (а значит, неконституционности) любого биотехнологического и иного «улучшения» природы человека, разрушающего его сущность. При этом хочу подчеркнуть, что сущностное «человеческое ядро» понимается динамически — не как фиксированный набор психобиологических качеств, а в качестве совокупности предпосылок человеческого достоинства и его важнейших атрибутов — индивидуальной автономии и чувства моральной ответственности.

Защита «человеческого ядра» предполагает установление красных линий (абсолютных запретов) в отношении всего, что ведет к технологической дегуманизации человека и создаваемой им системы общественных отношений; что порождает еще более худшие (по сравнению даже с нынешними) формы неравенства и эксплуатации; что подрывает возможности защиты свободы и достоинства тогда, когда формальное невмешательство законодателя в эти процессы переходит по сути в самоустранение, вступающее в противоречие с его конституционными обязанностями.

4.1. Алгоритмическое управление: старые травмы в цифровой оболочке

Представляя собой высокотехнологичный «питательный бульон» почти для всех социотравм, цифровая эра несет в себе новые опаснейшие травмы.

В условиях т.н. «надзорного капитализма» все сведения о поведении индивида, которые исчерпывающим образом получаются благодаря всевозможным

диджитальным средствам слежения и наблюдения, от содержания поисковых запросов в интернете до видеокамер с биометрическим распознаванием, становятся важнейшим ресурсом для извлечения прибыли. Эта метаморфоза порождает новый тип структурной травмы — когнитивное и эмоциональное отчуждение. Алгоритмическое управление реактивирует вроде бы уже ставшие глубокой архаикой шаблоны жёсткой социальной иерархии и стигматизации.

Алгоритмический социальный рейтинг по своей сути отсылает нас к опричной практике «выделения» неблагонадёжных элементов. Казалось бы, «неблагонадёжность» здесь определяется не субъективным усмотрением опричника, но объективным алгоритмом. На самом же деле он является глубоко идеологизированным конструктом.

Гиг-экономика превращает человека в придаток платформы. По сути, это цифровое «переиздание» индустриальной травмы, когда человек был придатком станка. Тотальный сбор данных, алгоритмическое управление трудом, человек как «человеческий капитал» — вот новые, внешне неуловимые, но невероятно мощные формы отчуждения.

Попытки «улучшения» телесных, когнитивных и даже духовных (что некоторые полагают возможным) качеств человека создают риск «технологического апартеида» — неравенства, которое будет уже не социально-классовым и не экономическим, а антропологическим, а значит — необратимым. Это не просто актуализация травмы Неолита (имущественное неравенство) и промышленной революции (классовое разделение) на новом, биотехнологическом уровне, но фундаментальное ее укоренение.

4.2. Постчеловеческая сингулярность: абсолютная травма и гибель человечества

И наконец, самый мрачный исход. Он сопряжён с видовым самоуничтожением человечества, с замещением «естественных людей» нейрокиборгами. Являясь по своему происхождению социальной (результат технологического выбора), по своим последствиям эта травма — безусловно, антропологическая. Строго говоря, это уже не травма, а гибель человечества. Речь идёт о т.н. постчеловеческой сингулярности, которая ведет к претворению самых крайних трансгуманистических чаяний.

Перед лицом этих вызовов миссия верховенства права обретает новые, куда более широкие очертания. Традиционно оно воспринимается как защита от произвола публичной власти. Однако эта роль кардинально расширяется в преддверии антропо-технологического симбиоза (5-я промышленная революция), который обещает НБИК-конвергенцию, т.е. симбиоз нейро-, био- инфо- и когно- технологий. В этих обстоятельствах цивилизация права должна стать юрисдикционным гарантом долгосрочной антропологической устойчивости и преемственности. Она призывается к созданию надёжных правовых гарантий сохранения минимально

необходимых условий индивидуальной автономии, достойного человеческого существования и сохранения собственно человеческой природы.

4.3. Нить Ариадны для цифрового лабиринта

Развивая образы античной мифологии, нам надо, пока не стало окончательно поздно, опираясь на аксио-телеологическое понимание права, принцип межпоколенческой ответственности и весь опыт преодоления социотравм, отыскать своего рода нить Ариадны, пока ещё цифровой и биотехнологический лабиринт не превратился в тупик с Минотавром ничем не обузданного искусственного интеллекта в его конце.

А для этого необходимо установить следующие абсолютные красные линии.

Первое: нейроинтерфейсы — только с кнопкой «отключения» по воле пользователя. Нейроинтерфейсы, не обеспеченные надёжной возможностью мгновенного отключения их носителем, должны быть запрещены. Это красная линия, отделяющая технологию-инструмент от технологии-ловушки.

Вторая красная линия касается наследуемого генетического редактирования, когнитивного нейпротезирования и иных подобных технологий, направленных на изменение природы человека. Такие манипуляции, создающие искусственные различия между людьми и чреватые расколом людей на биологические касты, самым очевидным образом подрывают конституционный принцип равенства. Но есть и другая сторона применения этих технологий, связанная с лечением людей, т.е. с реализацией ими права на охрану здоровья. Очевидно, что на эту сферу красные линии не должны распространяться. Однако на практике здесь встают большие проблемы, связанные с тем, что развитие таких медицинских технологий создает возможности для их применения и с иными целями, реализация которых открывает дорогу для подрыва биосоциального единства человечества. А ведь только в рамках такого единства мы и можем говорить о правах человека. В российской юридической литературе эта тема поднимается в работах В.В. Лапаевой, которая обращает внимание на то, что мы вступаем в качественно новый этап развития, когда право как система прав человека, которое до сих пор служило гарантией от последствий технологического прогресса, разрушительных для человечества в целом, уже не справляется с этой задачей. Отсюда следует необходимость искать опору в других базовых соционормативных регуляторах, т.е. в религии и общественной морали, а в конечном итоге – в совершенствовании общественного устройства на основе синтеза индивидуалистских и солидаристских начал.

И в этом контексте я бы еще раз отметил, что в свете всего сказанного становится все более востребованным духовный потенциал отечественной философии права с ее идеями всеединства, которые в наши дни приобретают новое актуальное звучание.

Третья линия связана с алгоритмическим социальным рейтингом. Системы тотального социального кредита, алгоритмическая оценка «благонадёжности»

реанимируют на цифровом уровне крепостнические и тоталитарные травматические шаблоны.

И, наконец, четвёртая линия. Она направлена на предотвращение антропологической катастрофы — наступления постчеловеческой сингулярности с кошмарным сценарием расщепления человеческого рода на «натуральную» и «постчеловеческую» популяции. Психофизиологическое несовершенство человека, как и его смертность, — не «баги», говоря языком айти-специалистов, а фундаментальные условия свободы и достоинства, морали и права, источник всех онтологических смыслов. А потому любые попытки создать «постчеловека» с когнитивными или физическими возможностями, недостижимыми для обычного человека, уничтожая единственную абсолютную ценность — человеческое достоинство, должны быть признаны безусловной и всеобъемлющей угрозой конституционному строю, и даже шире — будущему человечества.

Сможем ли мы выстроить такие красные линии и удержать на их пороге раскручивание регулятивного потенциала технологического императива — это большой вопрос. Возможно, это самый главный для человечества вопрос, несмотря на все иные наши трудности и вызовы. Пока что на него нет обнадеживающего ответа. И все же не будем терять надежду — дорогу осилит идущий!

5. Часть заключительная.

Терапия социотравм — миссия цивилизации права

«Родовые травмы» — метафора, обозначающая глубинные ценностно-структурные издержки, которыми оплачен каждый макро-этап становления человечества. Эти издержки копятся век от века, образуя своего рода *палимпсест* (т.н. пергамент, на котором каждая очередная рукопись на соскобленной прежней). Одним своим краем он уходит в седую, можно сказать доисторическую, древность, другим — в дали будущего. И знаки, начертанные на этом палимпсесте, так или иначе воздействуют на все траектории развития нашей цивилизации. И, в том числе, на ее правовое развитие.

Историческая динамика демонстрирует цикличность накопления напряжения и его реактивации. В осевое время социотравмы, — испытанные в период государство-генеза, эскалации социального неравенства и первых межгосударственных войн, — обусловили религиозно-философскую компенсацию: учения о карме, Божественном завете, логосе и дао. Это была первая, но не последняя культурно-терапевтическая реакция на структурные травмы, позволившая «перекодировать» напряжение в религиозные и этические системы.

Модерн породил новые травмы: атомизацию, бюрократическую дегуманизацию, экологический кризис, угрозу тотального уничтожения. Картезианско-

просвещенческая рационализация вместе с историсофией трансформировали древние страхи в институционализированную жестокость. В XX столетии на волне бурного развития технологий появляется «общество риска», где прогресс создаёт непредсказуемые, глобальные угрозы, реактивирующие первобытную тревогу перед неуправляемыми силами.

Цифровая эпоха, стремительный приход которой нам всем довелось наблюдать, также актуализирует былые травмы. В условиях «надзорного капитализма» сведения (почти исчерпывающие благодаря всевозможным кибер-технологиям) о поведении индивида становятся ресурсом для извлечения прибыли. В отличие от традиционного капитализма, основанного на производстве товаров и услуг, здесь делается ставка на сбор, анализ и монетизацию персональных данных. Эта метаморфоза, превращение человеческого существования во всех его подробностях, даже самых интимных, в товар, порождает новый тип структурной травмы — когнитивное и эмоциональное отчуждение. Алгоритмическое управление реактивирует, казалось, ставшие архаикой образцы жесткой социальной иерархии и стигматизации. На этом фоне латентные социотравмы (страх перед «чужим», тревога перед хаосом и т.д.) не исчезают. Наоборот, они находят в цифровой среде своего рода мощную подпитку, порождая эхо-камеры (получение информации в Интернете из идеологически близких источников и распространение её среди сторонников этих же взглядов), поляризацию информационного пространства, тем самым подавляя результативный диалог.

Итак, в исторической череде антропо- социотравм каждый макро-скачок — от прямохождения к символическому мышлению, от неолита к государству, от индустриализации к цифровизации — оплачивается структурной уязвимостью, отражаемой психофизиологически, культурно и социально. Эти уязвимости не исчезают, их активизирует в модифицированном обличье давление новых вызовов. Но под благотворным воздействием социокультурной обстановки, включая правовую инфраструктуру, эти же вызовы могут гаснуть, не пробуждая к жизни спящих демонов. Более того, наслаиваясь на старые социотравмы, они могут стимулировать креативные прорывы.

Концепт социотравм и порождаемых ими в пределах правовой системы деформаций помогает:

- анализировать долгосрочные траектории правового развития;
- верно определять обусловленные социотравмами точки напряжения, затрагивающие регулирование, правоприменение и правовую культуру;
- прогнозировать и своевременно реагировать на появление новых точек;
- выявлять устойчивые нормативно-институциональные практики, способные преобразовывать травматическое наследие в ресурс, не позволяющий условному ящику Пандоры открываться вновь и вновь.

В эпоху великих геополитических и технологических потрясений защита Конституции не сводится лишь к укрощению произвола публичной власти. Она охватывает также историческую память нации в качестве неотторжимого элемента конституционной идентичности, а также сами рубежи человеческого бытия. Тем самым неизбежно сопряжение лицом к лицу не только с прошлыми «родовыми травмами», но и с потенциальными травмами, возможно ещё более губительными.

«Родовые травмы» человечества вообще и, в частности, нашего Отечества — это не поэтический образ, а эвристический инструмент анализа совокупных издержек цивилизационных переходов: от неолита до промышленной и цифровой революций. Каждая трансформация сообщала мощный импульс продвижению человека по правовому пути. И наряду с огромными выгодами создавала структурные, то есть так до конца и не устраняемые уязвимости.

При этом идея антропо- и социотравм, сквозь призму которой просматривается ход правового развития человечества, не проповедует фатализм. Она не утверждает, что мы обречены вечно блуждать в потемках собственной истории. Но она объясняет, отчего путь к цивилизации права так тернист. Она говорит, что история имеет существенное значение и фундаментальный опыт. Любое серьёзное реформирование, любая попытка построить правовую демократию, игнорируя это значение и опыт, обречена. Но она также говорит нам, что спасительный выход все же есть. Надежность обеспечивается во многом усилиями развивающейся цивилизации права.

Верховенство права приспособлено к дезактуализации социотравм и устранению вызываемых ими деформаций. Прежде всего не чудесами юрисдикционной хирургии, а именно терапией, следующей одновременно двум заветам: «не навреди!» и «никогда больше!». Если же правовая система не способна к эффективной коррекции воздействующего на все ее компоненты травматического наследия, она рискует навсегда остаться заложницей собственного прошлого.

Современная цивилизация права — не последний рубеж обороны человека и человечества от его исчезновения. Тем не менее, цивилизация права, бесспорно, одно из ключевых условий ответственного управления нашим коллективным будущим, способного прервать «дурную бесконечность» и превратить незаживающую рану в шрам-напоминание. Это маяк, чей свет помогает национальному ковчегу даже в самый тяжелый исторический шторм не разбиться о рифы старых и новых травматических деформаций.

Право не в силах прекратить технологическую эволюцию и не должно пытаться это сделать. Но право призвано обеспечить эффективную защиту человека, чтобы он оставался субъектом, а не объектом этой эволюции; стабилизировать антропологическую устойчивость, охранить человеческое ядро от новых вызовов и актуализации травм, нанесенных антропо- и социогенезом.

Преодоление всех травматических рисков (и сокрытых в глубинах истории, и уже стоящих на пороге), выживание человечества — вот общая задача на тернистом пути цивилизации права.

© КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ